[4] См.: Цегельник О. В. Инвестиционное обязательство при купле-продаже предприятия, акций, принадлежащих государству, по конкурсу в процессе приватизации. Минск, 2011. С. 30.
[5] См.: Инвестиционный кодекс Республики Беларусь, 22 июня 2001 г., № 37-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.
[6] См.: О создании дополнительных условий для инвестиционной деятельности в Республике Беларусь: Декрет Президента Респ. Беларусь, 6 авг. 2009 г., № 10 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.
[7] См.: О мерах по реализации Декрета Президента Республики Беларусь от 6 июня 2011 г. № 4: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 6 авг. 2011 г., № 1058 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.
[8] См.: Гамзунов А. Инвестиционный договор // Юрист. 2003. № 7(26). С. 34.
[9] См.: Гражданское право: учеб. / под общ. ред. проф. В. Ф. Чигира. Минск, 2002. Ч. 2. С. 323.
[10] См.: Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 5 июля 2004 г., № 300-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.
[11] См.: О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам архитектурной, градостроительной и строительной деятельности: Закон Респ. Беларусь, 30 нояб. 2010 г., № 196-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.
[12] См.: Об утверждении Методических рекомендаций о порядке действий иностранного инвестора при реализации на территории Республики Беларусь инвестиционного проекта: постановление Министерства архитектуры и строительства Респ. Беларусь, 17 сент. 2010 г., № 24 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.
[13] См.: Миколенко Т. А. Особенности расторжения договоров долевого строительства недвижимого имущества, правовые последствия // ИПС «Эталон». Версия 6.1 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2013.
[14] См.: Гамзунов А. Инвестиционный договор // Юрист. 2003. № 7(26). С. 34.
[15] См.: Цегельник О. В. Инвестиционное обязательство при купле-продаже предприятия, акций, принадлежащих государству, по конкурсу в процессе приватизации. Минск, 2011. С. 30.
[16] См.: Бакиновская О. А., Амельченя Ю. А. Инвестиционный договор: судебная практика и теоретические конструкции // Вестн. Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь. 2011. № 6. С. 82.
[17] См.: Шевченко А. П. Инвестиционные договоры с иностранным инвестором в праве Республики Беларусь: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Минск, 2012. С. 13.
[18] См.: Лисица В. Н. Правовое регулирование инвестиционных отношений: теория, законодательство и практика применения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Новосибирск, 2010. С. 23.
[19] См.: Антипова О.М. Правовое регулирование инвестиционной деятельности (анализ теоретических и практических проблем). М., 2010. С. 114.
[20] См.: Хозяйственное право: учеб. для вузов / отв. ред. проф. В. С. Мартемьянов. М., 1994. Т. 2. С. 170–171.
[21] См.: Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: Федеральный Закон Российской Федерации, 25 февр. 1999 г., № 39-ФЗ [Электронный ресурс] // Режим доступа: http: //base.consultant.ru /cons/cgi/online.cgi? req=doc;base=LAW;n=123436. Дата доступа: 07.03.2013.
[22] См.: Об утверждении Положения о принятии федеральными органами исполнительной власти решений о даче согласия на заключение сделок по привлечению инвестиций в отношении находящихся в федеральной собственности объектов недвижимого имущества: постановление Правительства Российской Федерации, 10 авг. 2007 г., № 505 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http: //www.garant.ru/products/ ipo/prime/doc/12055213/#12055213. Дата доступа: 19.01.2013.
[23] См.: О частно-государственном партнерстве: Закон Республики Молдова, 10 июля 2008 г., № 179-XVI [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lex.justice.md/viewdoc.php ?action=view&view =doc&id=328990&lang=2. Дата доступа: 19.01.2013.
[24] О государственно-частном партнерстве: Закон Украины, 1 июля 2010 г., № 2404-VI [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2404-17. Дата доступа: 19.01.2013.
[25] См.: Куницкая О. М. Признаки государственно-частного партнерства // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сб. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф., Пинск, 26–27 апр. 2012 г. Пинск, 2012. С. 73.

Поступила в редакцию 16.04.13.

Ольга Михайловна Куницкая – аспирантка кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности. Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности В. С. Каменков.

УДК 343.347.2

А. А. ПУХОВ

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 284 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (нарушение ветеринарных правил)

Посвящена анализу объекта преступления, предусмотренного ст. 284 Уголовного кодекса Республики Беларусь (нарушение ветеринарных правил). Отмечается, что в действующем уголовном законодательстве пределы ответственности за деяния, сопряженные с трансмиссией заразных болезней животных, установлены одной-единственной нормой. Резюмируется, что в данный момент имеются объективные возможности совершенствования уголовного законодательства в сфере противодействия распространению заразных болезней животных.

Ключевые слова: уголовная ответственность; заразные болезни животных; объект преступления; ветеринарные правила.

The present article is devoted to the analysis of the object of the crime provided by Art. 284 of the Criminal code of the Republic of Belarus (violation of veterinary rules).It is noted that in the current criminal law the limits of liability for the acts associated with transmission of the infectious diseases of animals, established a single standard. We believe that at the moment there are objective possibilities of improving the criminal law in combating the spread of the infectious diseases of animals.

Key words: criminal liability; infectious diseases of animals; the object of the crime; veterinary rules.

Объект посягательства во многом определяет конструкцию конкретного состава преступления, его место в системе норм Особенной части Уголовного кодекса (далее – УК), помогает отграничивать одни

преступные деяния от других[1]. В отечественной науке уголовного права выделяют общий, групповой, родовой, видовой и непосредственный объекты преступления.

В качестве непосредственного объекта нарушения ветеринарных правил наибольшее распространение в литературе получили следующие суждения: 1) «экологическая безопасность» (В. В. Марчук, Б. В. Яцеленко, И. Л. Марогулова, Н. Г. Иванов), 2) ее отраслевая составляющая – отношения в области охраны животного мира (Ю. И. Ляпунов, Л. Ю. Родина, С. Н. Радачинский, В. П. Ревин, А. Б. Мельниченко, В. А. Нерсесян), 3) синтез этих концепций (И. М. Тяжкова, Э. Н. Жевлаков, А. В. Борбат, А. И. Чучаев, А. Г. Князев, Д. Б. Чураков). Рядом исследователей были предприняты и другие попытки раскрыть сущность непосредственного объекта нарушения ветеринарных правил: Т. И. Ваулина – «экологическая безопасность в сфере обеспечения защиты населения от болезней, общих для человека и животных»[2], В. В. Коряковцев, К. В. Питулько – «отношения в сфере охраны животного мира, установленный порядок ветеринарного обеспечения сельскохозяйственного производства»[3], В. В. Сверчков[4], И. Ш. Борчашвили[5] – «урегулированная правилами ветеринарии экологическая безопасность общества, обеспечивающая общественно полезную деятельность в сфере животноводства». Последними отмечалось, что дополнительным объектом могут выступать жизнь и здоровье животных, здоровье людей, жизнеспособность и экологическое равновесие экосистем.

Исследователь С. Ф. Миловидова в качестве основного непосредственного объекта нарушения ветеринарных правил рассматривала «общественные отношения, обеспечивающие санитарно-эпидемиологическую безопасность животного мира», а дополнительного факультативного объекта – «общественные отношения, обеспечивающие право собственности»[6].

Достаточно широко непосредственный объект указанного преступления трактовала Н. А. Лопашенко – «экологическая безопасность, в том числе в виде таких ее компонентов, как стабильность окружающей среды, природно-ресурсный потенциал, право каждого на благоприятную окружающую среду». Исследователь указывала и на наличие дополнительного объекта: «качество окружающей среды, состояние ее отдельных объектов»[7].

По нашему мнению, наиболее приемлемый подход был предложен известным ученым О. Л. Дубовик. В ее работах впервые в отечественной литературе встречается формулировка «общественные отношения в области ветеринарно-санитарной безопасности»[8]. По утверждению О. Л. Дубовик, «рассматриваемая норма направлена на обеспечение санитарно-эпидемиологической и ветеринарной безопасности населения и территории государства, т. е. охраны жизни и здоровья населения, животных от инфекционных заболеваний, заносимых как из иностранных государств, так и от источников внутри страны»[9]. Исследователь указывает на цель применения этой нормы, не затрагивая содержательный аспект понятия «ветеринарно-санитарная безопасность». Данное обстоятельство позволяет предложить следующую трактовку общественных отношений по обеспечению ветеринарно-санитарной безопасности – это комплекс (система) правовых, экономических, технологических, организационных и иных мер, опосредующих ветеринарную (и иную) деятельность и направленных на обеспечение ветеринарного благополучия.

Предметом этих общественных отношений выступает ветеринарное благополучие, содержание и субъектный состав которых коммутируется с объемом понятия «ветеринарная деятельность». Так, в преамбуле Закона Республики Беларусь (далее – РБ) от 02.07.2010 г. № 161-З «О ветеринарной деятельности» (далее – Закон № 161-З) указано, что данный акт определяет правовые и организационные основы ветеринарной деятельности и направлен на обеспечение ветеринарного благополучия. Далее в п. 4 ч. 1 ст. 1 Закона № 161-З разъясняется, что ветеринарное благополучие – это такое состояние здоровья животных, при котором обеспечивается технологическая продуктивность животных, получение продуктов животного происхождения, соответствующих ветеринарно-санитарному качеству, предотвращается распространение болезней, передаваемых от человека животным, а также состояние защищенности населения от болезней животных и болезней, передаваемых человеку через животных, продукты животного происхождения (болезней, общих для человека и животных). По своей этимологии оно относится к термину «animal welfare» («благосостояние животного»), содержащемуся в Санитарном кодексе наземных животных и имеющему более широкое значение. Эта позиция поддерживается и в литературе. Как указывает О. Л. Дубовик, целью рассматриваемого уголовно-правового запрета является охрана ветеринарного благополучия посредством обеспечения соблюдения различных по предмету и содержанию ветеринарных, ветеринарно-санитарных и зоотехнических правил.

Фактический субъектный состав и содержание данных общественных отношений представляются более обширными, чем предусмотрено в Законе № 161-З. Ситуационно в целях обеспечения ветеринарно-санитарной безопасности могут быть задействованы неспецифические субъекты отношений в области ветеринарной деятельности: Министерство здравоохранения, Министерство внутренних дел, Министерство транспорта и коммуникаций, Министерство обороны, Министерство лесного хозяйства, Министерство культуры, Министерство иностранных дел, Государственный пограничный комитет, Государственный таможенный комитет Республики Беларусь и др.

В литературе последовательно проводится мысль, что состав нарушения ветеринарных правил относится к числу преступлений против экологической безопасности. Следовательно, родовым объектом рассматриваемого преступления выступает экологическая безопасность. Непосредственный объект

преступления имманентно существует внутри родового объекта преступления. Он должен не только отражать принципиальное содержание родового объекта, но и специфицировать его, «уменьшать его объем», придавая ему неповторимость и уникальность. Вместе с тем полагаем, что в иерархии отношений по обеспечению экологической (родовой объект) и ветеринарно-санитарной (непосредственный объект) безопасности отсутствует соединительный элемент. В данном случае речь идет о необходимости внедрения видового объекта. Как справедливо замечает А. В. Пашковская, «видовой объект занимает промежуточное положение между родовым и непосредственным и является, таким образом, частью, подсистемой родового объекта, находясь с ним в соотношении "род – вид". Поэтому видовой объект можно обозначить как подгруппу близких, сходных социальных благ, входящую в более широкую группу однородных, однопорядковых ценностей»[10].

Безопасность – достаточно универсальный и многоуровневый термин, который трактуется безотносительно к отраслям научного знания. В целом ее можно идентифицировать как сложное, многогранное, социальное явление, имеющее конкретно-исторический характер и тесно связанное со всеми формами и направлениями взаимодействия в системе «природа – человек – общество»[11]. Фактически термин «экологическая безопасность» был заимствован учеными-криминалистами из науки экологического права. Первоначально он употреблялся как общенаучный и «являлся источником разногласий между экологами (Н. Ф. Реймерс) и юристами (О. С. Колбасов, А. К. Голиченков), исследовавшими проблемы экологического права»[12].

Структура общественных отношений, опосредующих обеспечение экологической безопасности, может быть представлена следующим образом: субъекты – индивиды, социум, государство и биосфера; предмет – жизненно важные интересы субъектов: права, материальные и духовные потребности личности, природные ресурсы и природная среда как материальная основа государственного и общественного развития; содержание – совокупность законодательных, технических, медицинских и биологических и иных мероприятий, направленных на поддержание равновесия между биосферой и антропогенными, природно-антропогенными, а также естественно-природными нагрузками[13].

В связи с этим можно предположить, что часть уже существующих составов экологических преступлений (ст. 278, 279, 280, 284 УК РБ) по своей направленности посягает на так называемую биологическую безопасность[14]. Общественная опасность перечисленных составов подчеркивается имманентными угрозами, связанными с возросшим влиянием экспериментальных биологии и медицины (в том числе и ветеринарной)[15]. Так, общественно опасные последствия нарушений правил безопасности при обороте биологически опасных предметов (возбудителей заразных болезней животных, генно-инженерных организмов, токсинов и т. п.) могут быть выражены в уничтожении живой оболочки Земли, т. е. биологической основы жизни, вследствие возникновения эпидемий, эпизоотий и эпифитотий.

Биологическая безопасность как возможный видовой объект преступлений представляет собой определенную новеллу уголовного права. Следовательно, этому нововведению свойственна определенная дискуссионность относительно содержательного аспекта термина. На основании критерия близости научных взглядов трактовки биобезопасности можно дифференцировать на две группы.

Теоретическим базисом для первой группы исследователей являются Конвенция Организации Объединенных Наций (далее – ООН) от 05.06.1992 г. «О биологическом разнообразии» и Картахенский протокол ООН от 29.01.2000 г. «По биобезопасности к конвенции о биологическом разнообразии». Цель названных международных актов состоит в формировании правовых основ охраны биологического разнообразия от потенциальных угроз, представляемых живыми модифицированными организмами, произведенными с помощью современных биотехнологий. Вместе с тем в этих актах содержание термина «биобезопасность» не разъясняется. Это обстоятельство позволило определенной группе ученых (Л. В. Струтиньска-Струк, А. Г. Авдей, А. С. Спирин, В. Р. Гофман, С. Е. Дромашко, Е. Н. Макеева, Е. Г. Попов) лимитировать объем рассматриваемого понятия до отношений в сфере обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности. Так, профессор Т. И. Макарова детерминирует биологическую безопасность как состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья человека от возможного вредного воздействия биологических агентов, в том числе живых измененных организмов при осуществлении генно-инженерной деятельности[16]. Некоторыми авторами вовсе допускается синонимизация понятий «биобезопасность» и «безопасность генно-инженерной деятельности»[17]. Отметим, что генная инженерия – это всего лишь частный случай применения современных биотехнологий. Из этого можно заключить, что термин «биобезопасность» значительно шире дефиниции «безопасность генно-инженерной деятельности» (п. 1. ч. 1 ст. 1 Закона РБ от 09.01.2006 г. № 96-З «О безопасности генно-инженерной деятельности»).

Другая группа ученых – Ю. А. Лякишева, О. С. Машкина и А. К. Буторина, Н. И. Калинина, Т. Е. Попова и Е. В. Попова трактуют указанный термин значительно шире: как «защищенность человека, общества, государства, цивилизации и окружающей среды от вредного воздействия, опасного для жизни и здоровья людей, токсичных и аллергенных биологических веществ и соединений, содержащихся в природных или генно-инженерно-модифицированных биологических объектах и полученных из них продуктов». При этом последовательно проводится мысль, что биологически опасные организмы и их продукты представляют собой угрозу для существования не только человека, но и растений, животных

и полезных микроорганизмов, вызывая различную степень их поражения и гибель, лишая человека продовольственных и других источников и возможностей существования.

На законодательном уровне термин «биобезопасность» в настоящее время нормативно не закреплен. Однако в постановлении Главного государственного санитарного врача РБ от 27.07.2000 г. № 40 «О введении в действие санитарных Правил» биобезопасность определяется как система медико-биологических, организационных и инженерно-технических мероприятий и средств, направленных на защиту работающего персонала, населения и окружающей среды от воздействия патогенных биологических агентов.

Предпосылкой для имплементации этой новеллы является постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 28.10.2010 г. № 35-11 «О Рекомендациях по гармонизации и унификации законодательства государств – участников СНГ в сфере обеспечения химической и биологической безопасности» (далее – Рекомендации). Согласно абзацу 5 ч. 2 п. 3.1 Рекомендаций биобезопасность – это состояние защищенности человека и окружающей среды от воздействия патогенных биологических агентов, обеспечиваемое путем осуществления системы политических, правовых, экономических, технологических, организационных и иных мер.

В целом разночтения относительно контекста термина «биобезопасность» обусловлены: 1) издержками текстуального перевода, 2) новизной, 3) нестабильностью дефинитивного статуса. Его заимствование произошло из англоязычной литературы. Поэтому терминологически в рамках русскоязычной интерпретации биобезопасности существуют 2 направления: «biosafety» и «biosecurity». Первый термин – «biosafety» используется, когда речь идет о безопасности биотехнологий (в том числе в генной инженерии) для здоровья человека, персонала, защите от патогенов и других вредных воздействий «биологического фактора»[18]. Например, данный термин используется при регламентации основ безопасности работы с микроорганизмами 1–4 групп патогенности[19]. В свою очередь, «biosecurity» употребляется в контексте противодействия распространению возбудителей опасных инфекционных болезней (в том числе животных) и различного рода вредителей растений и животных, а также «биотерроризму»[20].

Если спроецировать указанные термины на систему норм Особенной части УК РБ, то термин «biosafety» употреблялся бы в контексте составов преступлений, предусмотренных ст. 278, ч. 1 ст. 279, а «biosecurity» – ст. 131, 280, 284, ч. 2 ст. 279.

Однако в настоящее время интерпретация бланкетного термина «биобезопасность», предложенная представителями науки экологического права, позволяет употреблять его только в качестве непосредственного объекта состава нарушения правил безопасности при обращении с генно-инженерными организмами, экологически опасными веществами и отходами (ст. 278 УК РБ). Следовательно, использование термина «биологическая безопасность» в качестве видового объекта указанной группы преступлений станет предпосылкой для возникновения коллизии. Поэтому для целей оптимизации действующего уголовного законодательства рациональнее использовать формулировку «медико-биологическая безопасность».

Полагаем, что медико-биологическую безопасность можно определить как состояние защищенности жизни и здоровья граждан, общества, государства и окружающей среды от вредного воздействия патогенных биологических агентов, инвазионных видов и неинфекционных болезней животных и растений. Под патогенными биологическими агентами следует понимать микроорганизмы (бактерии, вирусы, хламидии, риккетсии, простейшие, гельминты, грибы, микоплазмы), прионы, генно-инженерно-модифицированные организмы, яды биологического происхождения (токсины), способные при попадании в организм человека, животного или растения вызвать клинически выраженное заболевание или носительство, а также любые объекты и материалы, подозрительные на содержание перечисленных агентов; под инвазионным видом – адвентивные виды растений и/или животных, интродукция и/или распространение которых угрожают биологическому разнообразию; под неинфекционными болезнями животных и растений – болезни, возникающие под влиянием абиотических факторов, т. е. неблагоприятных условий среды, без участия патогенных организмов и характеризующиеся отсутствием трансмиссии от больных субъектов к здоровым. Медико-биологическая безопасность – видовой объект для уголовно-правовых норм, опосредующих обеспечение ветеринарно-санитарной безопасности (ст. 284 УК РБ), фитосанитарной безопасности (ст. 280 УК РБ), биологической безопасности и безопасности генно-инженерной деятельности (ст. 278, 279 УК РБ).

В заключение отметим, что иерархично ветеринарно-санитарная безопасность является частью медико-биологической и экологической безопасности. Согласно п. 44 Концепции национальной безопасности РБ, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 г. № 575 «Об утверждении концепции национальной безопасности РБ», экологическая безопасность составляет часть национальной безопасности Республики Беларусь. Следовательно, данный полисиллогизм позволяет нам констатировать, что ветеринарно-санитарная безопасность является элементом национальной безопасности нашего государства. Это указывает на важность данной группы общественных отношений.

Вместе с тем существующая редакция ст. 284 УК РБ не в полной мере учитывает специфику общественных отношений по обеспечению ветеринарно-санитарной безопасности. В первую очередь это касается юридико-технических способов описания элементов рассматриваемого состава преступления. Так, согласно ст. 65 (диверсия) УК БССР 1960 г. общественно опасными признавались случаи

умышленного распространения заразных болезней животных. В УК РБ 1999 г. такие деяния были декриминализированы. Также необходимо отметить, что отсутствует дифференциация возможных субъектов преступления, не учтены в качестве возможного самостоятельного общественно опасного последствия незаразные болезни животных, усматриваются коллизии со ст. 336, 428 УК РБ и др. Оптимизация положений ст. 284 УК РБ возможна путем построения системы норм, представляющих собой четкий уголовно-правовой механизм охраны общественных отношений в сфере обеспечения ветеринарно-санитарной безопасности. Теоретическим базисом такой системы норм должен выступать именно объект преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Расторопов С. Понятие объекта преступления: история, состояние, перспектива // Уголовное право. 2002. № 1. С. 37.
[2] Уголовное право. Особенная часть: учеб. / отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. М., 2008. С. 669.
[3] Коряковцев В. В., Питулько К. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. СПб., 2006. С. 615.
[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В. И. Булавин и др.; отв. ред. А. А. Чекалин. М., 2007. С. 901.
[5] Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан: общая и особенная части / под ред. И. Ш. Борчашвили. Алматы, 2007. С. 677.
[6] Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная: учеб. / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина, С. В. Максимова. М., 1999. С. 623.
[7] Лопашенко Н. А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. М., 2009. С. 139.
[8] Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2002. С. 735.
[9] Применение ответственности за экологические правонарушения: учеб.-метод. пособие для практических работников / М. М. Бринчук и др.; отв. ред. О. Л. Дубовик. М., 2007. С. 144.
[10] Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 215.
[11] См.: Общая теория национальной безопасности / А. В. Возжеников и др. М., 2005. С. 5.
[12] Мышко Ф. Г. Экологическая безопасность. М., 2003. С. 45.
[13] См.: Никонович Т. В., Птуха, И. И., Никонович И. А. Экологическая безопасность государства как фактор устойчивого развития Республики Беларусь. Горки, 2008. С. 6–7.
[14] См.: Струтинська-Струк Л. В. Правове поняття біобезпеки як складової екологічної безпеки: проблеми визначення // Наук. вісник Чернівецького університету: Збірник наук. праць. 2004. Вип. 212.: Правознавство. С. 87.
[15] См.: Плешаков А. М. Экологические преступления: концепции и система понятий // Государство и право. 1993. № 8. С. 82–83.
[16] См.: Белорусская юридическая энциклопедия: в 4 т. Минск, 2007. Т. 1. С. 124.
[17] См.: Генетически модифицированные организмы и проблемы биобезопасности: учеб.-метод. пособие / С. Е. Дромашко и др. Минск, 2011. С. 58.
[18] См.: Биологическая безопасность биотехнологических производств: учеб. пособие / Н. Б. Градова, Е. С. Бабусенко, В. И. Панфилов. М., 2010. С. 8.
[19] См.: HEALTHCARE. PHILIPS. COM. The Economic and Social Impact of Emerging Infectious Disease: Mitigation through Detection, Research, and Response [Electronic resource]. Access mode: http://www. healthcare. philips. com/main/shared/assets/documents/bioshield/ecoandsocialimpactofemerginginfectiousdisease_111208. pdf. Access date: 15.12.2011.
[20] См.: Laura A. Meyerson, Jamie K. Reaser. A unified definition of biosecurity // Science. January 2002. Vol. 295. P. 44.

Поступила в редакцию 08.04.13.

Артём Александрович Пухов – аспирант кафедры уголовного права. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права И. О. Грунтов.

УДК 340.1

С. Г. ВАСИЛЕВИЧ

ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Раскрывается понятие и формы реализации права. Отражены различные подходы к определению данного понятия, обоснован вывод о том, что нормотворческую деятельность следует, как и правоприменение, рассматривать в качестве разновидности реализации права. Необходимо видеть грань между исполнением и использованием права. В ряде случаев властные субъекты полагают, что у них есть право использовать (или не использовать) правовую норму с целью ее реализации, хотя речь должна идти об исполнении этой нормы. Сделан вывод, что государственные органы, должностные лица обладают меньшим объемом «свободы», чем граждане, когда речь идет об использовании права, так как для них право – это одновременно и обязанность совершить какие-то действия, принять решение и т. п. Отмечается, что один из наиболее спорных вопросов в праве – проблема его злоупотребления, которое нельзя рассматривать как правомерное поведение. Злоупотребление правом – это разновидность неправомерной реализации права. Это поведение неправомерное. Особенностью такого поведения является то, что за него может быть установлена ответственность либо она может отсутствовать, но могут наступать неблагоприятные последствия.

Ключевые слова: реализация права; формы реализации права; соблюдение; исполнение; использование; правоприменение; злоупотребление правом.

Reveals the concept and realization of the right shape. Reflect the different approaches to the definition of the concept, justified the conclusion that the standard-setting activities should be as law enforcement, considered as a kind of realization of the right. We have to see the line between performance and the use of law. In some cases, the power actors believe that they have the right to use (or not use) the law in order to implement it, but the focus should be on the implementation of this rule. The conclusion is that public authorities, officials have a smaller volume of «freedom» than citizens when it comes to the use of law as well as the right for them at times is both the duty to make some kind of action, decision, etc. One of the most controversial events in the law is the problem of abuse of rights. Abuse of the right can not be regarded as lawful behavior. Abuse of the right is a kind of unlawful exercise of the right. This behavior is illegal, the feature is that for it can impose liability or it may not, but adverse effects may occur.

Key words: exercise of the right; the right shape; compliance; performance; use, law enforcement; abuse of right.